

Иное скажется, иное промолчится

«...Я очень люблю эту оперу Бизе, я очень люблю эту новеллу Мериме — и всю жизнь меня мучил вопрос: за что же ее убили?! И я никак не могла понять, за что... Замечательная темпераментная цыганка, юная, можно сказать... Почему она гибнет? И я решила это изменить. Развернуть историю назад. Чтобы начиналось с того, что Хозе ее не убивает, нож падает из его руки, и вся история раскручивается назад. К той самой цыганской девчонке, которая выходит из ворот табачной фабрики и ругается со своей подругой... И тогда, может быть, эта история опять начнет раскручиваться вперед — и она не погибнет... Может быть...»

С чего начинается разговор о композиторе? С дат рождения и смерти? С определения его места в плеяде современников, в череде предшественников? С периодизации жизни и творчества, перечня сочинений и их классификации?

Разговор о Софии Левковской хотелось бы начать с ее музыки, — если не с собственно звучания, то хотя бы с воспоминания о ней. Наверное, с того сочинения, которое могли услышать не только ценители современного искусства, пришедшие несколько лет назад на концерт в Учебный театр на Моховой, но и — фрагментами и целиком — многие радиослушатели, включавшие по воскресеньям авторскую передачу Александра Харьковского «Звучащая сфера» на канале «Радио России — Петербург».

«Кармен: PEREZAGRUZKA». В архиве Софии Левковской сохранился текст, который можно условно назвать либретто

этой камерной оперы, а в радиийном архиве — он же, но слегка отредактированный и расписанный «по ролям». Сама София и ведущий программу Александр зачитывали его, подхватывая друг друга, предваряя звучание каждой из картин:

АХ.: Итак, первая сцена оперы; называется ФИНАЛ.

СЛ.: Нож падает из руки Хозе, и все начинает крутиться назад. За этой «раскруткой наоборот» наблюдают из зрительного зала современные Хозе и Кармен.

АХ.: Они пробираются — опоздали, подлецы! — как всегда — «меж кресел, по ногам», навстречу друг другу и говорят в это время по своим мобильным телефонам...

СЛ.: (ну просто негодяи!)... Оба одеты «цивильно, для театру»... На то, что происходит на сцене, внимания не обращают вообще.

АХ.: Важней доделать дела и занять свои места. А когда увидели друг друга — поболтать и поохотать... Наконец, когда Кармен решается поцеловать этого отморозка с мобильником, на сцене, как призрак отца Гамлета...

СЛ.: ...появляется настоящая цыганская Кармен, старорежимная такая, со своим горловым испанским страшным пением. Сладкая парочка вздрагивает и наконец-то начинает следить за спектаклем. «Браво! А она недурна...»

АХ.: ...что в переводе значит: «ничего чувиха».

<музыка>

АХ.: Вторая сцена — маленькая такая КОРРИДА.

СЛ.: Но ее — корриду — на самом деле не видно. Видны только нервные спины нашей парочки...

АХ.: ...«азартен, Парамоша, азартен!»...

СЛ.: Думаю, что они — Хозе и Кармен — поставили кучу денег на какого-нибудь быка (втягиваются постепенно в эту виртуальную дурь, в этот спектакль — наивные люди!).

АХ.: Корриду видят только они. И страсть как волнуются. Нервы ни к черту.